

Уходящее прошлое

Север создал свой мир, где кочевники-тунгусы приучились выращивать овощи, а русские — месяцами пропадать в лесу. У них общие слова, общая тайга. И страх тоже общий. Русско-эвенкийская «коммуна» настолько хрупка, что может исчезнуть потому, что Большой земле до неё нет дела. Но всё ещё хуже, когда дело есть.

И это дело — ресурсное освоение Севера. Разработка Верхнечонского месторождения — первый шаг в истории новой, нефтегазовой Катанги. Учёные торопятся зафиксировать в своих трудах неиндустриальную картинку, опасаясь, что на этой территории ни эвенкам, ни русским старожилам места уже не будет. «Конкурент» попытался создать её для своих читателей.

Современные кочевники

В феврале по пути на Верхнечонское нефтяное месторождение двум сотрудникам редакции «Конкурента» в компании специалистов ОАО «Верхнечонскнефтегаз» удалось попасть на стойбище эвенков. Нефтяники по приезду в Ербогачён непременно собирают посылку коренным жителям местной тайги: сегодня традиционного для эвенков кочевого образа жизни придерживаются три семьи — девять человек. На этот раз в качестве гостинца были припасены спальные мешки, ножи, походная посуда, фрукты.

Вместо обещанных 15 минут кружили на вертолёте около получаса. Зимнее стойбище затерялось в тайге. Позже штурман на бланке пользования воздушным пространством пишет координаты: «6136.838 С 107.00636 В». Выясняется, что эвенки за зиму несколько раз меняют место стоянки. И таких зимних домов у каждой семьи может быть от трёх до восьми.

Встречали гостей не на оленях, а на «Буранах». Те, кто по неопытности загрузился в сани с намерением прокатиться по тайге с ветерком, предпочтя катание пешей прогулке, быстро об этом начали жалеть: «Буран» всю дорогу пытел в лицо сажей и горючкой. На оленях сегодня эвенки практически не передвигаются. Собственно, оленей так и не довелось увидеть. «Вчера приходили», — лаконично прерываются расспросы.

Мы попали на стойбище самой многочисленной эвенкийской кочевой семьи — двое взрослых женщин, двое мужчин и старик. Отец семейства недавно разменял седьмой десяток, а его четырём детям уже к сорока и за сорок. Хозяином величают его старшего сына Ивана. Он проводит нас по территории стойбища. Здесь жилой дом, баня (в центре которой, к слову, лежит разобранный двигатель к «Бурану»), пекарня. К нашему приезду как раз подошёл хлеб. Одна из женщин предлагает буханку, угощает, пока с пылу с жару. Это Елена. На ней держится всё хозяйство. Негласно именно она является главой семейства. Ведёт незамысловатую бухгалтерию для всех трёх кочевых семей, строит отношения с местным пушным хозяйством (единственный источник доходов кочующих эвенков — торговля пушниной), с властями, организует закупку продуктов.

— Жизнь такая пошла, всё дорого. Всё, что добываем, идёт на продукты, — делится она своими заботами. — До нового года шкурка стоила в среднем 1 тысячу рублей, теперь цену увеличили в два раза. Раз в год зимой машина приходит, забирает пушнину и привозит продукты, горючее. В последний раз за амортизацию машины заплатили 24 тысячи рублей.

Наши переживания о том, что забыли купить ребятишкам конфет, оказались напрасными. Елена, её сестра и братья — представители последнего поколения эвенков, живущих в тайге. Никто из них не имеет ни собственной семьи, ни детей. Возможно, её судьба сложилась бы иначе, если бы не ранняя смерть матери. После интерната Елена планировала продолжить образование. Но надо было помогать отцу, и на правах старшей дочери она вернулась к кочевой жизни.

Подъехавший к вертолёту тридцатилетний эвенк — самый молодой таёжный кочевник. Признаётся, что и рад бы обзавестись семьёй, да никто не хочет жить в тайге. А он, наоборот, ради женщины не готов бросить оставшееся в наследство от похороненных год назад родителей стадо оленей. У него сейчас около полусотни голов. Поэтому приходится мириться с нынешним образом жизни: после смерти матери и отца он кочует один.

Правда, признаётся, что в тайге он не одинок. Имеющаяся в каждой семье рация позволяет обмениваться информацией.

«Рация старая, плохонькая, ещё от советской власти досталась нам, с Ербогачёном связи уже нет, а вот между собой можем общаться», — рассказывает Елена. Пока же ближайшие соседи находятся на расстоянии 9 километров, а вторая семья — за 28 километров. «В марте, когда начинается отёл оленей, кочующие по тайге эвенки собираются на аргиши, — рассказывает она. — Тогда все оставляют зимовья, строят большой огород и живут бок о бок в чумах».

Здесь эвенки очень обижены на власть: им кажется, что их забыли и бросили. «О нас вспоминают, когда надо иностранцам показать», — жалуется Елена. Говорит, что часто приезжают этнографы и живут в семье недели по две, «изучают наш быт», а вот врача привезти, чтобы дедушку посмотрел, некому.

Мы с Катанги

Катангский район является частью Иркутской области. Но, по сути, это остров. Размером в 14 тыс. кв. км. Сегодня добраться сюда можно только самолётом. Первые же русские в 17 веке пришли на Катангу пешком. И встретили тунгусов. «Они — один из самых великих сибирских народов, — уверен заведующий лабораторией ИГ СО РАН, доктор географических наук Байрон Ишмуратов. — Буряты и якуты многочисленны, но по территории расселения и умению постоять за себя эвенкам в своё время не было равных. Это самый кочевой из всех кочевых сибирских народов. Страсть к передвижению у них в крови».

Прошло три века, а учёные до сих пор не могут дать ответ, кто кого здесь «обучал жизни». Русские эвенков или наоборот?

Как полагает старший научный сотрудник кафедры археологии и этнографии ИГУ, кандидат исторических наук Михаил Туров, правильнее констатировать, что процесс обогащения культур был обоюдным. «Для русских навыки выживания в суровых условиях, заимствованные у эвенков, даже сейчас остаются крайне необходимыми, — говорит учёный. — Но без принесённой русскими медицины, образования коренное население Севера вряд ли могло победить многочисленные болезни, которые не лечились традиционными методами. Очевидно, не без влияния русской культуры современные эвенки вышли из состояния первобытности и достигли уровня просвещённого этноса».

— Вопрос о целесообразности «русификации» малочисленных этносов Севера относится, скорее, к области политизированных дискуссий, нежели к реальным знаниям о существовании современной эвенкийской культуры, — уверен учёный. — Вопрос не в том, нужна или нет эвенкам «чужая» культура, а в том, какими темпами и методами приобщались к ней эвенки последние 80 лет и что нужно сделать, чтобы избежать ошибок прошлого.

Процесс естественного, а не навязанного сближения контактирующих культур — общемировая тенденция. И остановить его, как и ускорить, никому не удавалось. Кочевой быт коренных охотничье-оленьеводческих народов уходит в прошлое. Шесть лет назад на Катанге было восемь кочевых семей. Сейчас — три. «И есть веские причины, почему современный эвенк не желает возвращаться к кочевому прошлому», — говорит Туров. Как полагает сотрудник Института географии СО РАН, доктор географических наук Милана Рагулина, думать и принимать решения сегодня нужно не в отношении эвенков или русских, а в отношении всего особого «катангского социума». Будущее его, по мнению учёных, пока туманно.

Михаил Туров отмечает: эвенки и русские поделили даже антропологические черты — с 17 века тут практикуются смешанные браки — и язык, и культуру. Эвенки не знали хлеба до прихода русских, поэтому, когда он появился, его стали называть «колобо». Русские охотники в тайге соблюдают эвенкийские обряды, иначе удачи не будет. Здесь есть своя неомифология. В аэропорту Ербогачёна плакат: «Добро пожаловать на Угрюм-реку!». То, что знаменитая река Шишкова «списана» с Витима и Нижней Тунгуски, местные жители признают, однако уверены: от Тунгуски в ней больше, чем от Витима.

— Здесь удивительным образом сохранились традиции общинности, — говорит Михаил Туров. — Эвенкийские семьи всегда усыновляли русских сирот и наоборот. «Мы с Катанги» — это своеобразный пароль для самоидентификации жителей Нижней Тунгуски и за пределами района. В Иркутске, к примеру, существует ербогачёнская диаспора.

Хотя истории русско-тунгусского сообщества около 300 лет, активное привлечение эвенков «в цивилизацию» началось в советское время. Что такое коммунистическое миропонимание, эвенки узнали в 20-30-х годах прошлого века. В хозяйствах появились «красные чумы». В 1929 году эвенки уже вошли в туземные советы, и,

едва услышав, что у русских есть свой шаман по имени Ленин, тут же развернули здоровую советскую «критику-самокритику». Эвенки боялись, но в колхозы шли. Переезжали в русское жильё, но во дворах усадеб ставили чумы. Пока никто не пытался коренным образом сломать их привычный уклад жизни. Колхозные территории укладывались в старые общинные границы, а люди могли делать то, чем они занимались веками, — охотиться, рыбачить, собирать дикоросы.

Однако в 50-60-х годах произошло укрупнение колхозов и были созданы коопзверопромхозы. Так исчезла система малых локальных хозяйств, которая была обычна для эвенков. Тайгу стали делить на охотугодья, и старые общинные «наделы» перестали существовать. Именно тогда эвенки познакомились с иждивенчеством — они стали штатными охотниками коопзверопромхозов. Работала система госзаказа, и даже если план не выполнялся, заработная плата выплачивалась. Бесплатно давали необходимый «таёжный» запас (бензин, продукты, оружие, патроны). Такое хозяйство существовало вплоть до 90-х годов.

По мнению Миланы Рагулиной, «оседлый» перелом в сознании эвенков наступил не во время «ликбеза» и укрупнения колхозов, а когда тунгусы потеряли оленей. Эта почти сакральная связь видна в старых эвенкийских пословицах: «У кочевника и оленя — одна душа». «Несчастье эвенков в том, что они очень хрупкие, — говорит Байрон Ишмуратов. — Тунгусы слишком привязаны к своему типу хозяйствования. Отними оленя — и нет кочевника». Олень был почти членом семьи. На нём ездили, его доили, из его шкур делали одежду. Но довольно редко забивали на мясо. Эвенки не были приучены собирать грибы. Это — пища оленей. В 30-40-х годах на Катанге было более 8 тыс. оленей. В 60-х годах общественное стадо уменьшилось до 2,5 тыс. Потом по каким-то тайным экономическим причинам решили разводить чернобурых лисиц. Им скормили оленей. К концу 60-х число оленей сократилось до 400, а сейчас во всех северных районах Иркутской области их не более 150. Михаил Туров рассказал, что в район несколько раз пытались завозить оленей, однако они не приживались. «Ни один эвенк сейчас не согласится променять «Буран» на оленя. Как транспорт животные уже не нужны, а для организации хозяйства осталось слишком мало пригодной территории», — говорит учёный.

С верховий Нижней Тунгуски вышла вся образованная элита Эвенкийского автономного округа. Однажды учёный привёз на Катангу в стойбище Лазаря Сычегира своего знакомого, кандидата в мастера спорта по шахматам. Сын Лазаря Иван тоже страстно любил шахматы. Из шахматных блицтурниров КМС неизменно проигрывал две из трёх партий. «А ведь у эвенка за плечами только интернат. Это потрясающе талантливый народ! Среди эвенкийских детей растут пока не востребованные математики, лингвисты, инженеры, учёные. Сто лет назад это было невозможно», — уверен Туров.

Учёный приводит в пример эскимосов. В своё время их искусственно «законсервировали» — оставили в естественной среде. Но эскимосы требуют, чтобы им дали право учиться и получать современные профессии. Они не хотят быть на периферии жизни. Как и эвенки. Байрон Ишмуратов отмечает: «Как в Союзе пытались образовывать эвенков? Тотально и бездумно. И что вышло? Их коснулась «пена» городской жизни. Мы получили тунгусо-европейскую культуру с поправкой на русскую бедность и дураков. Кого теперь винить? Эти люди уже не могут вернуться в тайгу».

Эвенки с голубыми глазами

«Мы тут все эвенки. Правда, некоторые с голубыми глазами», — смеётся Нина Вейсалова. Михаил Туров говорит, что три столетия «смешивания» дали свои итоги: в районе сформировались свои антропологические типы с эвенкийскими и русскими чертами. По данным официальной переписи 2000 года, в Катангском районе живёт треть всех эвенков Иркутской области (557 человек). Нина Вейсалова уточняет: «Не более 300 этнических, остальные — уже потомки смешанных браков».

Демографическая «кривая» района всегда зависела от промышленного освоения. В 50-е годы население значительно увеличилось за счёт экспедиций по поиску алмазов, в 60-е был спад, а в 70-80-х две крупные экспедиции — Непская геофизическая и Надеждинская геолого-разведочная — снова расширили численный состав населения практически в два раза. Однако после 90-х население вдвое и сократилось — с 9,3 тыс. в 1994 до 4,5 тыс. в 2005. Численность эвенков тоже подчинялась своим, непонятным для посторонних законам. В 60-е годы в районе было более 700 эвенков, и их число постоянно сокращалось. И вдруг — значительное увеличение в постсоветское время. Причина проста: во время кризиса вышел закон о льготах для малочисленных народов. Тогда появились русоголовые и голубоглазые эвенки. Потомки смешанных браков охотно записывали себя коренными и малочисленными.

За три года умерло около 70 катангских эвенков — от пьянства, отсутствия медпомощи. В районе только около 40 пожилых эвенков, остальные уходят раньше срока. Учёные определили, что местная эвенкийка в среднем

живёт 49 лет, а эвенк — 46. Это примерно на 20 лет меньше, чем русские. Нынешним летом экспедиция ИГ СО РАН побывала на Катанге в очередной раз. Учёные по заказу ВЧНГ исследовали сохранение традиционного природопользования у эвенков. Участница экспедиции, научный сотрудник ИГ СО РАН, кандидат географических наук Вера Куклина сообщила: многие эвенки-мужчины, пережив кризис 90-х, подумывают о том, чтобы вернуться в тайгу. Но полноценных семей не получается. Женщины и дети в тайге уже не выживут, они остаются в посёлках.

Только около 30% эвенков работают. В отдалённых деревнях 80% жителей сидят без дела (до 1985 года работа была у 81,3% оседлых и 66,7% кочевых эвенков). На место обычной уборщицы — очередь. Эта должность гарантирует зарплату и пенсию. Остальные живут огородами и охотой. Когда охотничий сезон заканчивается, начинается беспробудное пьянство. Эвенки и русские пьют технический спирт, который доставляют в деревни ящиками. В магазинах отдалённых посёлков часто на пустых полках сиротливо соседствуют водка и лапша «Роллтон». Вера Куклина рассказывает: когда в один из посёлков привезли бананы, дети не хотели их есть — они не знали, что это такое. «На улице пьяный эвенк лежит. Все идут мимо, им всё равно. Были бы вы в лесу, эвенк вас никогда бы не оставил. Там он хозяин, там он человек», — говорит Нина Вейсалова.

— Там очень сказывается советское время, — говорит Вера Куклина. — Пожилые русские, эвенки до сих пор уверены, что государство обязано их кормить, одевать. Молодые уже настроены по-другому — они хотят учиться и получать хорошие профессии. Но тут возникает другое. Тип хозяйства там такой, что молодые эвенки, к примеру, уже в 6-7 классе должны идти в тайгу, чтобы обеспечить себе существование. А неполное среднее образование закрывает многие дороги. К примеру, некоторые из них хотели бы служить в армии, но их не берут. Выехать из района и учиться очень сложно.

Охота в лес

— В советское время эвенки, потеряв что-то, приобрели очень многое. Они сохранили главное — себя в природе, — говорит Михаил Туров. — Страшно другое. Эти люди не могут найти своего места сегодня.

Для катангских эвенков и русских тайга — первое рабочее место, должность в каком-нибудь сельпо — второе, отмечает учёный. В 1992 году была отменена госмонополия на добычу пушнины. Госпромхозы и коопзверопромхозы стали переходить в акционерные общества. Именно они по инерции советского времени получили право аренды на угодья Катангского района. Но это были уже не государственные предприятия. Штат охотников сократился, остальные стали работать по краткосрочным лицензиям, право на выдачу которых даёт тот же коопзверопромхоз. Для каждого охотника есть норма добычи соболя. Часть шкурок охотник обязан сдать бесплатно за обеспечение продуктами и снаряжением. Остальными волен распоряжаться — отдать в тот же промхоз или сдать частному скупщику. Контора принимает шкурки в среднем на 200-300 рублей дешевле, чем частники. Но с промхозом ссориться нельзя — в следующий раз лицензии может и не быть. В результате получается замкнутый круг: оставшихся у охотника на руках денег обычно хватает на самый минимум — только закупить продукты для жизни и кое-какие самые необходимые вещи. Естественно, ни трудового стажа, ни пенсии у охотников нет.

Такое положение возможно потому, что до сих пор нет федерального закона о выделении территорий традиционного природопользования для коренных народов. Хотя при этом субъект федерации своим локальным актом может определить их. В 2002 году по поручению губернатора Бориса Говорина Институт географии СО РАН разработал научное обоснование выделения ТПП Катангского района. По версии учёных, эвенкам и местным русским охотникам должно быть выделено не менее 51% территории района (всё левобережье Нижней Тунгуски). По мнению заместителя директора ИГ СО РАН Леонида Корытного, основные разведанные месторождения как раз находятся на правом берегу реки, и это позволяет региональным властям отдать левый берег охотникам. Зачем нужна такая огромная территория? Дело в том, что природа Севера очень хрупкая. И она не позволяет долгое время занимать один участок — надо перемещаться. Эвенки знают это лучше других. Кочевье — это не страсть к перемене мест, а жизненная необходимость.

Однако до сих пор разработка иркутских учёных остаётся в теории. Михаил Туров убеждён, что «ресурсные» интересы всё равно возобладают. «Это место древних геологических образований — нефти, газа, полудрагоценных камней, соли. Я не думаю, что всё это просто так отдадут охотникам. Речь сейчас идёт не о том, чтобы «законсервировать» эти земли, а о том, что люди получают взамен. Разовая компенсация в 30 тысяч за потерю охотугодий — это просто насмешка», — говорит учёный.

«Мы выдернули их из тайги, а теперь оставляем на периферии потока жизни, — добавляет Байрон Ишмуратов. — Что даст им нефтегазовое освоение? Я боюсь, что ничего. Если не будут созданы программы

развития каждого поселения, от них просто откупятся и снова забудут».

Учёные говорят: не надо выдумывать для Катанги «программу спасения» с «ностальгическими» разделами типа «Ондатроводство» и «Оленеводство». Эвенку или русскому там, по сути, нужно одно — работа. «На Катанге очень гармоничное сообщество. И очень хрупкое. Не надо вмешиваться, надо дать им возможность работать и жить. А себя и свою культуру они сохранят», — говорит Михаил Туров.

Автор: Юлия Сергеева, Наталья Мичурина © Восточно-Сибирская правда ОБЩЕСТВО , ИРКУТСК 👁 4688
09.09.2006, 12:43 ↗ 291

URL: <https://babr24.com/?ADE=32511> Bytes: 18636 / 18608 Версия для печати Скачать PDF

👍 Порекомендовать текст

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:
irkbabr24@gmail.com

Автор текста: **Юлия
Сергеева, Наталья
Мичурина.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)
Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](https://t.me/bur24_link_bot)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](https://t.me/irk24_link_bot)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](https://t.me/kras24_link_bot)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/nsk24_link_bot)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/tomsk24_link_bot)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

Прислать свою новость

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot

эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)